

УЛЕМПУНЬ

РЕПДЕС И ЕГО РОЗВА,
ИЛИ КАК УКРАДЕННЫЙ ПТЕНЕЦ
ИЗМЕНИЛ ВСЕ

Кондрашова Ольга

Ольга Кондрашова

Улемпунь

(возвращение Репдеса)

<https://litres.ru/74266509>

SelfPub; 2026

Аннотация

В волшебном лесу Улемпунь никто никем не командует. Здесь дружат с животными, помогают соседям и живут в мире. Но однажды мимикл по имени Репдес решает, что счастье можно получить только через власть. Его поступок приводит к беде, а спустя годы прошлое возвращается вместе с настоящей войной. Это история о том, почему доброта сильнее страха, прощение — сильнее мести, а любовь способна изменить даже самое ожесточенное сердце.

Ольга Кондрашова

Улемпунь

(возвращение Репдеса)

Когда-то мы уже рассказывали о мимикле, который мечтал поработить голзифов. Еще старики Радун и Удивун пытались его усмирить, но Репдес отличался дурным нравом и совершенно не признавал компромиссов.

Все в Улемпуне, кто его помнил, побаивались его. Даже добросердечный Кош, который никогда никому не отказывал в обеде, старался усадить Репдеса подальше от остальных гостей. Отказать ему он не мог, но и искать его общества совсем не хотелось.

Репдес мечтал стать вожаком Улемпуня, хотя подобного устройства здесь никогда не существовало. Улемпунь был местом, где все помогали друг другу. Конечно, некоторые мимиклы любили считать себя лидерами. Например, Манив воображал себя главным в дружной троице, куда входили он, Жасу и Хемс. Но это лидерство всегда было безобидным. Обычно оно сводилось к решению, кто будет играть главную роль в вечернем спектакле, на какую поляну друзья отправятся собирать ягоды или когда всей компанией пойдут помогать Кошу. Жасу и Хемсу было вполне комфортно с их самопровозглашенным предводителем.

Но Репдес был совсем другим.

Он хотел, чтобы его боялись. Чтобы ему поклонялись. Чтобы лесные звери работали только на него.

Даже розва у него была особенная.

В отличие от остальных розв, ее шерсть была темной, насыщенного фиолетового цвета — такого, который люди, названное, называли бы баклажановым.

И, пожалуй, это была единственная розва во всем лесу, способная напасть на мирно гуляющего мимикла.

Грустан до сих пор помнил, как она однажды поцарапала его Свежулю. После нападения раненая розва долго отлеживалась у него дома. Каждый день Грустан обрабатывал царапину и всякий раз сам едва не плакал.

Антисептиком служила моча акимонов. Пахла она карамелью, но, попадая на царапину, щипала так сильно, что розва жалобно мяукала. Тогда Грустан начинал изо всех сил дуть на ранку. Иногда он увлекался настолько, что у него кружилась голова.

После процедур он устало плюхался рядом со Свежулей, а розва благодарно клала голову ему на колени и тихо урчала.

В те дни Грустан почти перестал рыбачить.

Однажды он все же решил поговорить с Репдесом.

— Репдес, так больше не может продолжаться. Твоя розва не дает нам спокойно пользоваться дарами леса. Мы хотим гулять, рыбачить, собирать вкусняшки. А она нападает, царапается или просто пугает всех. Поговори с ней.

Репдес ответил своим холодным, пугающим голосом:

— Малыш Грустан боится? Устал бояться? Тогда давай договоримся. Я хочу лишь одного — стать главным мимиклом. Вы будете приносить мне все, что соберете в лесу, инормов, которых ты поймал, а Кош станет спрашивать у меня, что приготовить на обед. Я введу билеты в лес, и по ним моя розва никого не тронет. Все, что вам нужно, — подчиниться мне. Ты, например, можешь раз в неделю полоть мой огород. А взамен получишь безопасный проход в лес.

— Нет, Репдес. Лес общий. Так нельзя, — решительно ответил Грустан.

Хотя голос его звучал твердо, внутри все сжалось. Ему было страшно.

Каждый мимикл в Улемпуне боялся Репдеса. Страх был почти животным — необъяснимым и липким.

Сам Репдес был даже чуть ниже Грустана ростом. Его брови всегда торчали вверх. Сколько Отван ни пытался их уложить, они неизменно поднимались обратно.

— Непокорные у тебя брови, — часто говорил Отван. — Совсем как ты сам.

Радун тоже неоднократно пытался образумить Репдеса.

— Послушай, Репдес, кем ты собрался здесь повелевать? И что тебе это даст? Зачем кого-то контролировать? Мы все друзья. Перестань. И без того тебя все опасаются.

Но Репдес был совсем другим мимиклом.

Он не искал дружбы.

Не радовался простым совместным делам.

Не любил делать добро ради других.

Примирительные речи Радун только раздражали его.

Иногда, уходя в лес, он жаловался своей баклажановой розве — единственному существу, которому был готов открыть свои настоящие мысли.

— Ненавижу Улемпунь. Мои соседи слишком глупы, чтобы понять, сколько вокруг возможностей. Они живут в своем нелепом розовом мире. А больше всех меня раздражает этот старик Радун. Да и мальчишка Грустан. Сам вижу, как у него лист залга дрожит от страха, а все равно приходит учить меня жизни. Мир нытиков и слабаков. Вот мы с тобой могли бы здесь развернуться! Видишь, как летают голзифы? Они работали бы на меня. И акимоны тоже. И все остальные розвы — кроме тебя. А ты правила бы ими всеми. Как же стыдно, что эти мимиклы одной со мной крови. Такие бесхребетные... Ведь можно столько всего организовать! Те же акимоны каждое утро приносили бы инормов. Голзифы помогали бы по хозяйству...

Он вдруг замолчал.

Потом его глаза загорелись.

— Я придумал!

Репдес посмотрел в темные загадочные глаза своей единомышленницы.

— Нам нужно украсть птенца голзифы. Привяжем его за лапку и будем дрессировать. Сначала научим приносить то,

что я попрошу. А если станет упрячиться — будем обливать водой. Я знаю, они этого ужасно не любят.

Розва посмотрела на хозяина и довольно замурлыкала.

Для Репдеса это было полным одобрением.

Так началась одна из самых мрачных глав в истории Улемпуня.

Репдес похитил птенца голзифы.

Голзифы, как и все жители леса, были очень заботливыми родителями. Мать сразу бросилась искать малыша.

Репдес понимал это и решил пока спрятать беспомощного птенца у себя дома, чтобы мать, кружившая над всем Улемпунем, не смогла его обнаружить.

Голзифы прилетели к акимонам — самым мудрым обитателям леса. Те позвали розв, и вскоре все животные собрались вместе.

В то утро жители Улемпуня увидели удивительную картину: со всех сторон леса к ним стекались его обитатели.

Радун и Удивун подошли к акимонам.

Как вы уже знаете, акимоны были необычными существами. Они сумели объяснить мимиклам, что произошло.

Пропал малыш голзиф.

Такого раньше никогда не случалось.

Мимиклы сразу забеспокоились. Никто не понимал, куда мог исчезнуть птенец, поэтому каждый бросился осматривать свой домик.

Хартс, который тогда появился в Улемпуне совсем недав-

но, с таким усердием обследовал жилище, что даже забрался на антресоль — вдруг малыш каким-то чудом оказался там.

Отван даже на крышу залез.

А вдруг?

Никогда прежде мимиклы не видели слез матери голзи-фы. И каждый, кто вспоминал тот день, был готов расплакаться вновь.

Радун был потрясен.

Хартс плакал.

Грустан пытался утешить друга, но и сам едва сдерживал слезы.

Весь Улемпунь превратился в один большой поисковый отряд.

Лишь Репдес сохранял спокойствие.

Он понимал: если останется равнодушным, его могут заподозрить. Поэтому он вместе со всеми делал вид, что переживает и ищет малыша, хотя в душе только ждал, когда поиски всем надоедят и можно будет приступить к осуществлению своего плана.

Чтобы хоть немного поднять всем настроение, Хемс, шагая по лесу вместе с поисковой группой, сочинил очередной стишок.

Жаль, малыши, что ты не пахнешь,

Ведь мимиклы чувят всё.

Или, может, ты бы светился —

Вот бы было хорошо.

Или громко закричал бы —

Мы б тебя тогда нашли.

Или просто пискнул звонко —

Сразу к звуку бы пошли.

Как же хочется скорее

Тебя к маме нам вернуть.

Ноги стерты — толку нету...

Помоги хоть чем-нибудь!

Один из старейших акимонов внимательно посмотрел на Хемса, и все остановились.

Затем произошло то, о чем Хартс рассказывал снова и снова, хотя все его слушатели сами были свидетелями случившегося.

Акимон коснулся лапой травы и вдруг громко зарычал.

Обычно акимоны были тихими зверями, поэтому этот грозный рык заставил всех вздрогнуть. Сразу после него вся трава вокруг начала переливаться странным мерцающим

светом. Это длилось всего несколько минут.

Никто так и не понял, что именно произошло.

Но когда поисковый отряд вернулся к домикам мимиклов, все почувствовали странный сладковато-тухлый запах. Он был настолько неприятным, что мимиклы тут же зажали носы.

— Откуда этот ужасный запах? — спросил Радун у Уди-вуна.

— Да откуда мне знать? Пошли искать.

Они вышли на центральную улицу, и чувствительные носы мимиклов сами привели их к домику Репдеса.

Сам Репдес стоял снаружи, тоже зажимая нос.

Грустан решил, что именно ему предстоит совершить подвиг. Он ворвался в домик так же решительно, как пожарный врывается в горящий дом.

Но внутри не было пожара.

Там сидел связанный малыш голзифы.

По щекам Грустана текли слезы. Он и сам не понимал, что было их причиной: едкий запах или счастье от того, что малыша наконец нашли.

В тот же день жители Улемпуня приняли тяжелое решение — изгнать Репдеса.

А голзифы...

Голзифы были гордыми птицами, а нанесенная им рана — слишком глубокой. Простить мимиклов они так и не смогли. Так иногда бывает.

Поступок одного становится клеймом для целого народа.

С тех пор отвратительный запах, который сводил мимиклов с ума, стал неотъемлемым спутником голзифов.

Куда ушел Репдес, никто не знал. Он просто скрылся за линией леса вместе со своей баклажановой розвой.

Уходя, он кричал, что обязательно отомстит Улемпуню и однажды все его жители будут ему подчиняться.

Прошло много времени.

И вот однажды глубокой ночью Хартса разбудил необычайно яркий свет.

Он удивленно подошел к окну и увидел странную картину.

Из леса выходили какие-то незнакомые существа. Они были похожи на мимиклов, но все же чем-то отличались. В темноте трудно было разобрать детали, однако Хартсу сразу стало не по себе.

Это была целая группа. Каждый держал в руке горящий факел. Именно этот непривычный для ночного леса свет и разбудил Хартса.

Он решил, что нужно бежать. Но куда?

К соседям — Былуке и Удивуну?

К Грустану?

Или лучше самому выйти навстречу незнакомцам?

«А вдруг они пришли не дружить?» — мелькнула у него мысль.

Хотя зачем еще кому-то приходить в Улемпунь, если не

для дружбы?

Хартс скинул ночной колпак и уже хотел побежать знакомиться, как вдруг увидел, что один из пришельцев поднес факел к дереву.

Дерево вспыхнуло.

Хартс застыл.

Ни один мимикл никогда не смог бы сделать ничего подобного.

Деревья ведь полезные.

Добрые.

Они никому не мешают.

Зачем же их поджигать?

От жалости к дереву у Хартса навернулись слезы.

Это было одно из его любимых деревьев.

Хотя, если честно, Хартсу вообще было трудно найти дерево, которое можно было бы назвать нелюбимым.

Гуляя по лесу, он часто рассматривал деревья и говорил Грустану:

— Знаешь, деревья совсем как мимиклы. Каждое особенное. У одного ветки такие, у другого — другие. Стволы разной толщины. Листьев у каждого свое количество. Прямо как у нас бровей. И рост у всех разный.

Тогда Грустан задумчиво спросил:

— Интересно... а есть такие деревья, которые считают себя самыми красивыми?

— Думаю, есть, — улыбнулся Хартс. — Стоит такое дере-

во посреди поляны, ветки вверх задрало, а остальные вокруг думают: «И в чем же его секрет?»

Грустан рассмеялся.

— А еще, наверное, есть застенчивые деревья, которым нравится расти в чаще, чтобы никто на них не смотрел.

— Точно! — поддержал его Хартс.

После этого разговора он стал еще внимательнее выбирать деревья, под которыми писал стихи.

Бывало, долго ходил по лесу, пока не находил именно то дерево, которое подходило под настроение будущего стихотворения.

Наверное, почти все деревья Улемпуня хоть раз слушали стихи Хартса — от самых застенчивых до самых гордых и красивых.

И вот теперь...

Такая жестокость.

Жестокость с большой буквы «Ж».

Хартс не мог сдержать слез.

Это горящее дерево он когда-то назвал смелым. Его кро-на чуть наклонялась набок, и Хартсу всегда казалось, будто дерево высоко подняло голову и уверенно смотрит на весь Улемпунь.

А еще на его крепких ветках висели качели. И сколько бы мимиклы ни качались, дерево оставалось таким же сильным и прямым.

Теперь же оно горело.

Нет.

Этого Хартс допустить не мог.

Он выскочил из домика с громким криком:

— Вы кто такие? Как вы смеете обижать ни в чем не повинные деревья? Они стоят, никого не трогают, а вы их поджигаете! Зачем?!

Хартс кричал так громко, как только мог. Он надеялся разбудить соседей.

И где-то глубоко внутри мелькнула еще одна мысль:

«А вдруг Былука тоже выглянет в окно и увидит, какой я смелый?»

План сработал.

В домиках один за другим зажигались огни.

Первым к Хартсу прибежал Манив, даже не успев снять ночной колпак.

— Что случилось? Пожар? Вы кто такие? — крикнул он незнакомцам.

Спустя несколько минут на опушке собрался уже весь Улемпунь.

Старик Удивун, пробившись сквозь гудящую толпу, вскинул руки и удивленно воскликнул:

— Репдес?... Это ты?

Молодые мимиклы знали Репдеса только по рассказам старших.

По толпе сразу побежали шепотки.

— Точно Репдес!

— Да нет, не он. Репдес был худее.

— Да это он! Просто поправился.

— И брови наконец расчесал.

Подобные разговоры раздавались со всех сторон.

Но спор прекратил сам незванный гость.

— Да, Удивун, это я! И, между прочим, улемпуньцы, во-все я не поправился!

Он недовольно нахохлился.

Удивун прекрасно помнил тяжелый характер Репдеса. Помнил и то, как Радун годами пытался его образумить.

Безуспешно.

— Зачем пожаловал?

Хартс тут же выскочил вперед и, указывая пальцем на одного из чужаков, закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.